

© Е. Б. ЖУЛИНА

Санкт-Петербургский государственный университет
minna80@mail.ru

УДК 811.111

**ФОРМА PRESENT PROGRESSIVE В КОНТЕКСТЕ
АВТОКОММЕНТАРИЯ. КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ**

**THE PRESENT PROGRESSIVE TENSE
IN THE SELF-COMMENTARY. COGNITIVE ANALYSIS**

В статье осмысляются видовременная форма Present Progressive Tense в рамках нового, холистического подхода к языку как когнитивной деятельности человека, ориентированной на максимально эффективную адаптацию к среде в ситуации коммуникативного цейтнота. Как следствие, контекст ситуации становится определяющим при изучении языка как системы символов. Источником знания, отражаемого языком, служит наблюдатель, а не говорящий. Поскольку знание, представленное в языке — это опосредованный или непосредственный чувственный опыт человека, то выбор коммуникантом определенной языковой формы обусловлен особенностями его восприятия среды. Показывается, что сокращенная форма Present Progressive Tense в контексте автокомментария отражает внутреннюю и внешнюю среду человека. Внутреннюю, поскольку сокращение глагола be приближает ее к форме простого сказуемого. Внешнюю, т. к. причастие первое смыслового глагола передает восприятие собственных действий как конкретного процесса, развивающегося во времени.

The Present Progressive Tense is analyzed in the frame of the holistic approach to the language as a cognitive activity of a person orienting to the efficient adaptation to the environment in the communicative time trouble. As a result, the context of the situation is crucial to the understanding of language as a system of symbols. The source of knowledge represented in language is not the speaker but the observer. The choice of a certain word by the observer is determined by their perception, because knowledge is the direct or indirect experience of a person. The reduced Present Progressive form in the self-commentary describes both inner and outer niche of the observer. The inner part because the reduction of the verb be makes it closer to the simple predicate. The outer one because the present participle of the main verb portrays perception of one's own actions as a process.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Когнитивная лингвистика, наблюдатель, восприятие, автокомментарий, форма Present Progressive

KEY WORDS. Cognitive linguistics, observer, perception, self-commentary, Present Progressive Tense

Автор рассматривает видовременную форму Present Progressive в свете нового, холистического подхода к языку как когнитивной деятельности человека, ориентированной на максимально эффективную адаптацию к среде в ситуации коммуникативного цейтнота. Как следствие, контекст ситуации становится определяющим при изучении языка как системы символов. Источником знания, отражаемого языком, служит наблюдатель, а не говорящий. Поскольку знание, представленное в языке — это опосредованный или непосредственный чувственный опыт человека, то выбор коммуникантом определенной языковой формы обусловлен особенностями его восприятия среды. Почему в условиях жесточайшей нехватки времени (участники соревнуются в приготовлении обеда из трех блюд на скорость) наблюдатель, описывая собственные действия, прибегает к сокращенным формам Present Progressive? В качестве материала для исследования использованы высказывания, взятые из телевизионных кулинарных шоу на английском языке, показанные на канале BBC1 в июне 2015 года. Сокращенная форма Present Progressive в контексте автокомментария отражает внутреннюю и внешнюю среду человека. Внутреннюю, поскольку сокращение глагола *be* приближает ее к форме простого сказуемого. Внешнюю, т. к. причастие первое смыслового глагола передает восприятие собственных действий как конкретного процесса, развивающегося во времени. Результаты исследования применимы в когнитивной лингвистике, когнитивном анализе дискурса, литературоведении и т. д.

«Воплощенная философия» отличается от классического подхода, основанного на трактовке мышления как «вычислительного процесса», а языка как самодовлеющей системы символов, существующей вне реального пространства и времени. Ее основной принцип заключается в признании «воплощенной» телесной природы разума, то есть того, что ментальные структуры по природе своей обладают значением в силу связи с нашим телесным опытом [6].

В рамках «воплощенной философии» также существует несколько направлений, одним из которых выступает биокогнитивная философия языка, или холистический подход к языку. Этот подход базируется на физикализме, т. е. понимании того, что язык — это естественный биологический феномен, уникальным образом свойственный человеку. Холистический подход раздвигает границы «воплощенной философии», включая в нее исследования по семиотике, биосемиотике [10], а также работы по лингвистике [3], психологии [5], философии [4].

Источником представленного в языке знания служит наблюдатель, то есть человек как субъект познания. Как следствие, язык как система всегда принадлежит коммуниканту, а не является самодостаточной, существующей независимо от человека системой символов, которая присваивается им на момент речи. Однако, отражая особенности его восприятия, он не утрачивает своей социальной сущности. Социальная природа языка как средства коммуникации как раз обусловлена практически бесконечным множеством актов первичной

когнитивной деятельности отдельных людей, получающих различное преломление в его системе.

Принятие знания и значения как чувственного опыта человека дает интерпретацию языкового знака как образа формы и содержания в человеческом сознании, а не материальной сущности, произвольной по природе и созданной только для общения. Поэтому коммуникация осмысливается не как обмен информацией (готовыми знаниями посредством слов), а как когнитивная деятельность, направленная на эффективное приспособление к среде.

Субъективность знания приводит к пониманию того, что в языке представлены три типа знания — феноменологическое, предшествующий опыт и структуральное [3]. В представленной работе мы подробнее рассмотрим феноменологическое знание или непосредственное восприятие мира наблюдателем.

Язык — это когнитивная деятельность человека, служащая для его приспособления к среде, поэтому контекст ситуации становится самым значимым критерием при изучении языка как системы, которая отражает не столько объективный мир, сколько непосредственный или опосредованный чувственный опыт человека в степени, достаточной для его адаптации к среде. Среда, с которой взаимодействует человек в ходе познавательной деятельности, включает не только его внешнее окружение — людей и предметы, но и внутренние состояния и процессы. Первое называется его внешней нишей, а вторые — внутренней. Эффективная адаптация к среде в ситуации коммуникативного цейтнота означает адекватность описания видовременными формами глагола внутренней и внешней ниши наблюдателя.

Подумаем: почему в условиях жесточайшей нехватки времени (участники соревнуются в приготовлении обеда из трех блюд на скорость) наблюдатель, описывая собственные действия, прибегает к сокращенным формам *Present Progressive*? Почему не использует традиционно принятую, и очевидно, более удобную форму *Present Simple* [2]? В качестве материала для исследования использованы высказывания, взятые из телевизионных кулинарных шоу на английском языке, поскольку только контекст автокомментария в ситуации соревнования дает необходимые условия: описание собственных действий в ситуации жестокого ограничения времени.

В рамках когнитивной лингвистики «первого поколения» при рассмотрении видовременных форм *Present Progressive* контекст как значимый фактор рассматривается в двух случаях. Во-первых, при осмыслении выбора коммуникантом данной глагольной формы в описании спортивных соревнований. В качестве объяснения предлагаются особенности зрительного восприятия ситуации говорящим: «Те же, кто описывает более “вальжные” виды спорта (крикет, греблю, гольф) полагаются больше на форму *Present Progressive*. . . что и не удивительно, поскольку в этих видах спорта трудно воспринять этапы матча или соревнования как лишённые продолжительности» [7, с. 19]. Во-вторых, при описании любой активности других людей или объектов, наблюдаемой со стороны и воспринимаемой как процесс, развивающийся во времени: «С другой стороны, если мы

наблюдаем за м-ром Чародеем и описываем его действия, мы можем сказать: Now he's picking up a glass flask, and pouring its contents into a beaker. Now he's lightning the Bunsen burner and wait! He's reaching into his pocket for what seems to be his handkerchief!» [3, с. 78]. При этом особо подчеркивается невозможность начать описание действия одновременно с началом действия и закончить это описание в одно время с самим действием. Иными словами, выбрать форму *Present Progressive* для передачи собственного непосредственного чувственного опыта в ситуации жестокого ограничения времени может только сторонний наблюдатель.

Вместе с тем, в английском языке при формулировке вопроса о написании имени человека нужно использовать только форму *Present Progressive*. Подчеркивается, что подобное употребление должно быть всегда, независимо от того, видит ли говорящий, что человек пишет свое имя или нет. Другими словами, наблюдатель, описывающий собственное присутствие в мире (имя), всегда отражает свое феноменологическое знание (осознание своего имени как самое точное описание себя в данное время в данном месте): «Вопрос (How do you spell...? — Е. Ж.) можно перефразировать как What spelling of... is appropriate on this occasion? и, поскольку вопрос носит очень конкретный (касающийся только этого человека — Е. Ж.) характер, форма be+...ing подходит больше всего» [9, с. 89].

Сокращение вспомогательного глагола, входящего в состав этой глагольной формы, традиционно объясняется только с точки зрения прагматики. Иначе говоря, сокращение глагола *be* является либо стилистическим приемом, либо явным нежеланием говорящего придавать эмоциональную окраску высказыванию [9], либо небрежностью речи, либо выражением принципа экономии в языке [11]. Однако, как отмечает М. Льюис, употребление сокращенной формы приводит к изменению содержания высказывания. Например, две фразы *He's here* и *He is here*. Первую он трактует как замечание об очевидном, вторую — как высказывание, подчеркивающее точное местоположение в момент речи того, о ком идет речь [9, с. 178]. Другими словами, сокращенная форма глагола свидетельствует о том, что наблюдатель видит присутствие другого и ему нет необходимости использовать полную форму.

Ключевое отличие автокомментария от комментария состоит в том, что наблюдатель выступает одновременно и субъектом деятельности, т. е. начало описываемой ситуации и ситуации наблюдения совпадают. Вследствие этого остается непонятым, почему сам наблюдатель не может описывать собственные, явно наблюдаемые действия в ситуации коммуникативного цейтнота формами *Present Progressive*.

Сфера непосредственного чувственного опыта наблюдателя включает как поле его зрения, так и его сознание. Л. С. Выготский, размышляя о связи мышления и речи, подчеркивает, что «эгоцентрическая речь обладает тенденцией к сокращению, к телеграфному стилю... но совершенно своеобразную тенденцию к сокращению фразы и предложения в направлении сохранения

сказуемого и относящихся к нему частей предложения за счет опускания подлежащего и относящихся к нему слов». И, далее, «чистая предикативность» возникает во внешней речи в двух основных случаях...: или в ситуации ответа (непосредственного наблюдения — Е. Ж.), или в такой ситуации, где подлежащее высказываемого суждения наперед известно собеседникам. На вопрос: «Хотите ли вы стакан чаю?», никто не станет отвечать развернутой фразой: «Нет, я не хочу стакан чая». Ответ будет чисто предикативным «Нет». Он будет заключать в себе только одно сказуемое. Очевидно, что такое чисто предикативное предложение возможно только потому, что его подлежащее — то, о чем говорится в этом предложении, — подразумевается собеседниками (видят его — Е. Ж.)» [10, с. 293]. У. Левелл, изучая когнитивную обработку информации, также отмечает, что «редактор говорящего включает компонент “самовосприятие”, по которому говорящий отслеживает фонологическую структуру изнутри (слышит, что он/она собирается сказать, т. е. начинает описывать свою внутреннюю нишу уже внутри — Е. Ж.) и использует это для пересмотра или коррекции концептуальной структуры, представленной в предложении» [8, с. 88].

Наблюдатель, описывая ситуацию *I'm doing this. I'm making this part of dough. I'm using the flour. So I'm just crashing them. See and note that the biscuits should be crunched. And I'm crunching them with hands* видит, как он сам готовит. Заводит тесто. Использует муку. Крошит сухие бисквиты. Ломает их руками. В силу краткости момента восприятия действия, он, как и при комментировании действий других, для эффективной адаптации к среде в ситуации коммуникативного цейтнота употребляет сокращенные формы *'m doing, 'm making, 'm using, 'm crashing, 'm crunching*. Поскольку прежде, чем начать действовать, человек осознает, что он собирается сделать в следующий момент, эти формы, как максимально приближенные к простому сказуемому, описывают и его сознание, и восприятие своих действий со стороны. Форма *'m* как форма глагола *be* передает психологическое и физическое присутствие в момент речи того, к кому она относится. Этим кем-то выступает сам наблюдатель, который не сомневается в своем присутствии в моменте речи. Поэтому он выбирает сокращенную форму *'m*. Причастия настоящего времени *doing, making, using, crashing, crunching* отражают динамику развития действия, которую можно только видеть. Непосредственное восприятие ситуации передает определенный артикль *the*. Указательное местоимение *this* показывает, что объекты восприятия находятся рядом с человеком.

В высказывании *I'm just looking at this pheasant. I'm cooking it slightly crispy right now. That's enough. I'm turning it, then putting down and then putting it off* наблюдатель описывает собственные действия: рассматривает с чувством фазана. Слегка поджаривает его до хрустящей корочки. Переворачивает с одной стороны на другую и затем снимает с плиты. Поэтому он использует формы *'m looking, 'm cooking, 'm turning, ('m) putting down, ('m) putting off*. Поскольку каждому действию предшествует осознание этого действия, то в

ситуации жестокой нехватки времени наблюдатель предпочитает наиболее короткую форму, максимально приближенную к предикату. Формы *-ing* указывают на восприятие действия как конкретного процесса, развивающегося во времени. Наблюдаемость ситуации отражается темпоральным сочетанием *right now*. Указательное местоимение *this* также передает непосредственный чувственный опыт наблюдателя. Предлог места и движения *down* и предлог *off* так описывают положение фазана относительно плиты и повара-участника, что его можно только видеть.

Рассматривая ситуацию *And I'm working, working with hands here to make it more juicy and soft*, наблюдатель видит последовательность собственных действий. Он мнет фарш руками, чтобы сделать его более сочным и нежным. Поэтому он употребляет форму *'m working*. Поскольку в момент речи он осознает характер действия, то для описания своего сознания в ситуации коммуникативного цейтнота он выбирает самую короткую форму и, тем самым, эффективно приспосабливается к среде. Указательное наречие места *here* также однозначно говорит о присутствии наблюдателя в момент речи.

В высказывании *Then soy sauce going there, then salt, some brown sugar going there. So, now I'm making lemon-soy sauce here* наблюдатель видит и описывает собственные действия: как он добавляет соевый соус, затем соль, немного коричневого сахара. Наконец, начинает готовить лимонно-соевый соус. Стремясь максимально эффективно приспособиться к среде в ситуации коммуникативного цейтнота, он выбирает наиболее короткую форму, самую близкую по строю внутренней речи. Форма *'m* несомненно передает психологическое и физическое присутствие наблюдателя в момент речи. Причастие настоящего времени *making* отражает последовательную смену событий в его поле зрения. Наречие времени *now* выражает непосредственный чувственный опыт наблюдателя. Наречие места *here* также отражает присутствие в момент речи наблюдателя.

В ситуации *I'm covering myself in chocolate* наблюдатель передает собственные действия: он весь вымазался в шоколаде. Преодолевая коммуникативный цейтнот, наблюдатель употребляет самую короткую форму для описания собственных действий *'m covering*. Поскольку наблюдатель уверен в своем присутствии в момент речи, то выбирает сокращенную форму глагола *be*. Форма *covering* выражает динамику развития действия, которую можно только видеть. Возвратное местоимение *myself* подтверждает, что наблюдатель описывает собственные действия.

Таким образом, наблюдатель, выбирая сокращенную форму *Present Progressive*, максимально эффективно приспосабливается к среде в ситуации коммуникативного цейтнота. Он описывает и свое сознание, и восприятие собственных действий как конкретного процесса, развивающегося во времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Выготский Л. С. Мышление и речь. Психологические исследования / Л. С. Выготский; под ред. В. Колбановского. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1934, с. 293.
2. Жулина Е. Б. Анализ автокомментария в свете биокогнитивизма / Е. Б. Жулина // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. СПб, 2006. №1 (18), с. 53-57.
3. Кравченко А. В. Вопросы теории указательности. Эгоцентричность. Дейктичность. Индексальность / А. В. Кравченко. Изд-во Иркут. ун-та, 1992. 212 с.
4. Мамардашвили М. К. Стрела познания: набросок естественноисторической гносеологии / М. К. Мамардашвили. М.: Аванта+, 1996. 307 с.
5. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. СПб.: Питер, 2002. 720 с.
6. Lakoff G. Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought / G. Lakoff, M. Johnson. New York: Basic Books, 1999. 312 p.
7. Leech G. N. Meaning and the English verb / G. N. Leech. London: Oxford University Press, 1987. P. 19.
8. Levelt W. J. M. Producing Spoken Language: A Blueprint of the Speaker. The Neurocognition of Language / W. J. M. Levelt; C. M. Brown, P. Hagoort (Eds.). Oxford: Oxford University Press, 1999. Pp. 83-122.
9. Lewis M. The English Verb. An Exploration of Structure and Meaning / M. Lewis. London: Cambridge University Press, 1991. Pp. 89,178.
10. Sebeok T. Biosemiotica (Special Issue of Semiotica) / T. Sebeok, J. Hoffmeyer. Berlin, New York: Mouton de Gruyter. 1999. Vol. 127. No 1. Pp. 23-44.
11. Swan M. Practical English Usage / M. Swan. London: Oxford University Press, 2005. 658 p.

REFERENCES

1. Vygotsky L. S. Myshlenije i rech. Psihologicheskiye issledovanija [Intellection and Speek. Psychological Research] / V. Kolbanovsky (In Ed.). M.: State Economic and Social Publishing, 1934. P. 293. (In Russian)
2. Zhulina E. B. Analiz avtokommentarija v svete biokognitivizma [Analysis of self-commentary in the light of biocognitivism] // Izvestia of RSPU named after A. I. Herzen [News of the Herzen State Pedagogical University of Russia]. Saint-Petersburg, 2006. Pp. 53-57. (In Russian)
3. Kravchenko A.V. Voprosy teoriji ukazatel'nosti. Egotsentrichnost'. Dejktichnost'. Indeksal'nost' [Questions of the Theory of Deixis: Egocentricity, Deixis, Indexality]. Irkutsk, 1992. 212 p. (In Russian)
4. Mamardashvili M. C. Strela poznanija: nabrosok estestvenno-istoricheskoi gnoseologii [Arrow of Cognition: a Sketch of Natural Science and Historical Gnoseology]. M.: Avanta+, 1996. 307 p. (In Russian)
5. Rubinstein S. L. Osnovy obshchej psihologii [Foundations of Developmental Psychology]. SPb: Piter, 2002. 720 p. (In Russian)
6. Lakoff G., Johnson M. Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought. New York: Basic Books, 1999. 312 p.

7. Leech G. N. Meaning and the English verb. London: Oxford University Press, 1987. P. 19.
8. Levelt W. J. M. Producing Spoken Language: A Blueprint of the Speaker. The Neurocognition of Language / C. M. Brown, P. Hagoort (Eds.). Oxford: Oxford University Press, 1999. Pp. 83-122.
9. Lewis M. The English Verb. An Exploration of Structure and Meaning. London: Cambridge University Press, 1991. Pp.89,178.
10. Sebeok T., Hoffmeyer J. Biosemiotica (Special Issue of Semiotica). Berlin, New York: Mouton de Gruyter. 1999. Vol.127. No 1. Pp. 23-44
11. Swan M. Practical English Usage.-London: Oxford University Press, 2005. 658 p.

Автор публикации

Жулина Екатерина Борисовна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английского языка Филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета

Author of the publication

Ekaterina B. Zhulina — Cand. Sci. (Philol.), Senior Lecturer at the Department of English Language, Faculty of Philology, Saint-Petersburg State University